

БОЛЬШОЙ
РОМАН

ОПАСНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЙ
ВО ВРЕМЕНИ

Джойс Кэрол Оутс

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
О 90

Joyce Carol Oates
HAZARDS OF TIME TRAVEL
Copyright © 2018 by The Ontario Review, Inc.
Published by arrangement with Ecco, an imprint
of HarperCollins Publishers
All rights reserved

Перевод с английского Анны Петрушиной

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. А. Петрушина, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-14842-0

*Посвящается Стигу Бьоркману
и Чарли Гроссу*

«Я» — лишь инструмент для отображения функционально единой системы реакций.

Б. Ф. Скиннер.
Наука и поведение человека

За мной явились, потому что я, наивная дурочка, привлекла их внимание. По собственной воле рискнула тем, чем не должна была рисковать.

Мне следовало тщательно взвесить все. Вернее, просто хорошенько подумать. Теперь вот загибаюсь здесь из-за своего тщеславия и глупости.

Иногда я опускаюсь на колени у кровати, и со стороны это похоже на молитву. На самом деле в эти минуты я пытаюсь пробить цензурный заслон — и вспомнить... Но как же дико при этом болит голова! Приходится делать ужасное усилие, словно пытаешься побороть гравитацию Юпитера.

Статус изгнанника запрещает упоминать о приговоре и моей жизни до Изгнания, поэтому мне одиноко вдвойне. Хотя в этом странном месте редко остаешься наедине с собой, я совсем одна и не знаю, сколько еще продержусь.

Мне дали «всего» четыре года. А могли дать пожизненное.

Или приговорить к Ликвидации.

Каждую ночь, стоя на коленях и силясь вспомнить, какой была прежде, пока не потеряла себя, я благодарю судьбу за то, что меня не ликвидировали.

И какое счастье, что никого из моей семьи не арестовали вместе со мной за пособничество в Измене!

ЧАСТЬ I
Спикер

ИНСТРУКЦИИ

1. В зоне отчуждения ссыльному индивиду (СИнду) позволено перемещаться в радиусе десяти миль от эпицентра, то есть от официального места проживания. Смена последнего возможна лишь с разрешения Дисциплинарной комиссии национальной безопасности по надзору за изгнанниками (ДКНБНИ).

2. СИнду запрещено оспаривать действия органов власти зоны отчуждения, возражать или оказывать им неповиновение. СИнд не вправе представляться иным именем, кроме установленного для него/нее ДКНБНИ. В зоне отчуждения СИнду запрещено раскрывать «знания будущего», а также разыскивать или пытаться связаться с «родственниками».

3. СИнд получает новое, не подлежащее изменению имя и соответствующее «свидетельство о рождении».

4. СИнду запрещено вступать в «близкие» или «доверительные» отношения с другими индивидами, а также производить потомство.

Джойс Кэрол Оутс

5. СИнд приобретает статус «приемного ребенка», усыновленного/удочеренного ныне «покойными опекунами». В дальнейшем за СИндом закрепляется статус «сироты». Данная информация официально отражена в документах за подписью представителя исполнительного органа зоны отчуждения.

6. В период изгнания СИнд находится под постоянным контролем. Следует понимать, что ДКНБНИ вправе в любой момент изменить срок Изгнания или меру пресечения.

7. Нарушение правил карается немедленной Ликвидацией СИнда.

ЛИКВИДАЦИЯ

ЛИнд — ликвидированный индивид.

В случае Ликвидации вы перестаете существовать, «испаряетесь». Вместе с вами ликвидируются и любые воспоминания о вас. Все ваше личное имущество переходит в собственность США (Северо-Американских Штатов).

После Ликвидации вашей семье, детям, если таковые имеются, запрещается упоминать вас в какой-либо форме.

Обсуждение Ликвидации табуировано. Тем не менее никогда не следует забывать о риске подвергнуться этому самому суровому из наказаний.

Ликвидация — не смертная казнь. Последняя относится к категории мер устрашения и не считается государственной тайной.

В рамках Образовательной программы исполнения наказаний определенный процент казней транслируется по федеральным каналам с целью морального воспитания населения.

(В камере исполнения наказаний, похожей на операционную, ПИнда (приговоренного индивида) привязывали к каталке, после чего тюремный персонал в белых медицинских халатах вводил в вену осужденного смертельную дозу препарата. За процессом наблюдали десятки миллионов телезрителей. Исключая нас. Несмотря на действующий статус СкИнда (скомпрометированного индивида) и шаткое КП (кастовое положение), отец, при полном одобрении мамы, запрещал смотреть телевизор во время «воспитательных» передач, которые показывали несколько раз в неделю. Вплоть до окончания школы мой старший брат Родерик категорически возражал против подобной «цензуры», ссылаясь на то, что учителя могут поднять тему воспитательного аспекта казни, а он не сумеет ответить и в результате навлечет на себя подозрения. Однако родители оставались непреклонны.)

В перечне наказаний Ликвидация стояла особняком: если открытое обсуждение смертной казни поощрялось, то любой намек на Ликвидацию карался по статье «Призыв к государственной измене».

Статус СкИнда мой отец Эрик Штроль получил задолго до моего рождения. Молодого врача-ординатора из Медицинского центра Пеннсборо взяли на карандаш за научное мышление, которое приравнивалось к «вольнодумству»

Опасности путешествий во времени

со всеми вытекающими последствиями. Кроме того, отца уличили в связи с Инд-П (индивидом-провокатором), вскоре арестованным и осужденным за измену. Вина отца заключалась в том, что он сочувственно внимал оратору, вещавшему перед небольшой аудиторией в городском парке; закончилось выступление неожиданно — всех слушателей повязали «чистильщики» отдела национальной безопасности.

С тех пор папина жизнь изменилась навсегда. Его, действующего врача по профилю «детская онкология», выгнали из ординатуры и перевели на низкооплачиваемую должность фельдшера при центре. На отца смотрели косо, угрожали, что навсегда запретят работать с пациентами. Впрочем, он никогда не жаловался (открыто), наоборот, заявлял (публично), как ему повезло: жив-здоров и до сих пор гуляет на свободе.

Периодически носителей статуса СкИнда заставляли заново излагать подробности своего преступления и наказания, а также выражать (публично) благодарность за нынешнее положение и трудоустройство. В эти дни отец собирался с духом и, по его собственным словам, в очередной раз продавал душу.

Бедный папа! Такой добрый, веселый, — я даже не подозревала, каким униженным он себя чувствовал. Насколько сломленным.

Естественно, дома мы не обсуждали его статус, но нам позволялось (по крайней мере, официально не запрещалось) упоминать о нем, как о хроническом семейном недуге вроде рассеянного склероза или синдрома Туретта.

СкИнд — постыдное и потенциально опасное клеймо, тем не менее оно меркло по сравнению с другими, более серьезными проступками, а потому говорить о нем было вполне безопасно. Впрочем, в любом случае отец страшно рисковал.

Среди воспоминаний одно выделяется особенно ярко и отчетливо: как-то раз мы с папой остались дома вдвоем и он повел меня на чердак, всегда запертый на висячий замок. Из-под расшатанной половицы, накрытой вытертым ковром, отец достал пачку фотографий. С них на меня смотрел человек, чье лицо показалось очень знакомым.

— Это твой дядя Тобиас. Его ликвидировали, когда тебе было два годика.

В ту пору мне стукнуло десять. Двухлетнее «я» исчезло давно и безвозвратно. Срывающимся голосом отец рассказал, что его «любимый отчаянный» младший брат Тобиас жил вместе с нами, пока учился в медицинском. Он навлек на себя подозрения ФСБ/ФБИ (Федерального следственного бюро, Федерального бюро инквизиторов) тем, что помог с организацией первомайской демонстрации за свобо-

Опасности путешествий во времени

ду слова. В возрасте двадцати трех лет «дядю Тоби» арестовали прямо в нашем доме, увезли, предположительно, пытали, а потом ликвидировали.

То есть он «испарился».

— Папочка, а что значит «испарился»? — Я нутром чуяла: ответ будет жутким — и все-таки не удержалась от вопроса.

— Он исчез, милая. Погас, как пламя.

В силу возраста я не могла постичь всю боль утраты отца. Вообще, потерянное выражение почти не сходило с его лица. От изнурительной работы в больнице кожа посерела, мучила хромота: неправильно срослась кость правой ноги после давнего перелома. Однако стоило отцу улыбнуться, и мое плохое настроение моментально улетучивалось.

Веселей, ребята! Выше нос.

Правда, в тот момент папа не улыбался и слегка отстранился, чтобы я не увидела (наверное), как он вытирает слезы.

— Нам нельзя упоминать Тобиаса. Категорически запрещается рассказывать о нем детям. И тем более рассматривать фотографии! Меня арестуют, если кто-нибудь узнает.

Под «кем-нибудь» подразумевалось правительство, хотя никто не произносил само слово вслух. Запрещено. Аналогичный запрет распространялся на «государство» и «федеральных лидеров». Поэтому все, как и папа, огра-

ничивались туманным, опасливым «если кто-нибудь узнает».

Зато разрешалось без страха употреблять местоимение «они».

«Они» ассоциировались с пасмурным небом, низким, затянутым огромными, точно дирижабли, тучами, якобы набитыми шпионской техникой. Радужно переливаясь от загрязнения, эти исполинские корабли синюшного цвета плыли над головой — хаотичные и вездесущие.

Внизу, в непосредственной близости от электронных приборов, отец всегда тщательно выбирал выражения. Разумеется, нельзя доверять компьютеру, каким бы дружелюбным и гортанно-соблазнительным ни был его голос, как и сотовому, и ручке-диктофону, а еще — термостатам, посудомоечным машинам, микроволновкам, ключам от автомобиля и беспилотному транспорту.

— Я очень скучаю по Тоби. Скучаю постоянно. Стоит увидеть студента-медика его возраста... А каким прекрасным дядей он стал бы для вас с Родом!

Признаться, я слегка растерялась, успев позабыть недавние реплики отца.

Испарился? Ликвидирован?

Однако я удержалась от расспросов, чтобы не огорчать папу еще больше.

Помню, с каким удовольствием рассматривала снимки своего утраченного «дяди Тоби»,

Опасности путешествий во времени

который выглядел молодой копией моего отца. Та же скупая улыбка. Такой же тонкий длинный нос с легкой горбинкой. А глаза — темно-карие, блестящие, прямо как у меня.

— Похоже, дядя Тоби был просто замечательный.

Я сразу поняла, что сморозила чушь, и покраснела, но папа лишь грустно улыбнулся:

— Да, Тоби замечательный. Был.

Отец всячески отговаривал брата участвовать в акциях за свободу слова и майских демонстрациях. Даже в периоды, когда Бюро национальной безопасности по массовой пропаганде (БНБМП) относительно ослабляло вожжи. В такие времена правительство смотрело на действия населения сквозь пальцы, однако, по мнению отца, продолжало собирать информацию и следить за инакомыслящими и потенциальными Инд-П (индивидами-провокаторами) — так, на будущее. Ничто не забывается, никогда, предупреждал папа.

Краткая передышка рождала слухи об «оттепели» — «новой эре», ведь люди, объяснял папа, склонны верить в хорошее и забывать плохое. Всем хочется быть оптимистами. Однако «оттепели» быстро заканчивались; по итогам самые беспечные граждане — в основном молодые и неискушенные — незамедлительно подвергались аресту со всеми вытекающими последствиями.

После исчезновения (по официальной версии) дяди Тоби в дом нагрянули стражи правопорядка. Они перевернули все вверх дном, изъяли дядины учебники, лабораторные конспекты, компьютер, технику и прочее, а также все фотографии, как цифровые, так и распечатанные. Однако отцу на свой страх и риск удалось припрятать пару снимков.

— Знаю, гордиться мне нечем, но обстоятельства вынудили отречься от брата — по крайней мере, формально. После Ликвидации защищать его уже не имело никакого смысла. Мы с твоей мамой весьма убедительно клялись и божились, что даже не подозревали, какую змею, какого «предателя» пригрели на груди, поэтому нас отпустили, наложив взыскание. — Папа провел по лицу рукавом, утирая слезы. — Просто ограбили на самом деле. Дом не снесли — и то счастье, хотя могли бы, с изменниками такое практикуется.

— А мама знает?

— О чем?

— О вещах дяди Тоби.

— Нет. Разумеется, она в курсе, что моего брата ликвидировали, но никогда не говорит о нем. Про его личные вещи наверняка догадывалась, но сейчас благополучно забыла. Вряд ли даже помнит, как выглядел Тоби. Если хорошенько постараться не думать о чем-то, отгородить подсознание глухой стеной, да

Опасности путешествий во времени

еще заручиться поддержкой окружающих, все можно забыть — до определенной степени.

Помню, меня пронзила дерзкая мысль: «Только не я. Уж я никогда ничего не забуду».

Касаюсь одного из дядиных свитеров — мягкая темная шерсть изъедена молью. Замечаю желто-белую футболку с растянутой горловиной. Наполовину пустую лабораторную тетрадь. Наручные часы с эластичным ремешком и мертвым циферблатом, застывшим на времени 14:20, — отец пытался их реанимировать, но тщетно.

— Адриана, поклянись, что никому не расскажешь про дядю Тоби.

Я киваю: да, папочка.

— Ни маме, ни Родди. Ни слова про дядю Тоби. Даже мне.

Заметив мое недоумение, папа влажно целует меня в нос.

Собираем незаконные вещи, прячем их под половицы и накрываем ковром.

— Адриана, это будет нашим секретом. Обещаешь?

— Обещаю, папа!

* * *

Да, я знала про Ликвидацию еще тогда. И сейчас знаю, что она собой представляет.

Не хочу уподобиться дяде Тоби. Больше не желаю высовываться — чтобы не засветиться.

Джойс Кэрол Оутс

Я тысячу раз поклялась отбыть срок Изгнания, не нарушая Инструкций. И дала себе обещание в один прекрасный день вернуться домой к семье.

Нельзя допустить, чтобы меня «испарили», стерли из памяти близких. Гадаю, не лежит ли под половицей на чердаке жалкая кучка моих вещей, в спешке припрятанная родителями: потрепанная зубная щетка, носки «с котятами», домашняя работа по математике с выведенной красными чернилами оценкой «91».

ОРДЕР

Решением САШ-23 в 16-м федеральном округе Восточно-Атлантических Штатов от 19 июня выдан ордер на арест с последующим взятием под стражу и передачей суду для вынесения приговора АДРИАНЫ ШТРОЛЬ, возраст 17 лет. Является дочерью ЭРИКА и МЭДЕЛИН ШТРОЛЬ, проживает по адресу: Пеннсборо, штат Нью-Джерси, Семнадцатая Норт-стрит, дом 3911.

АДРИАНА ШТРОЛЬ обвиняется в семи эпизодах призыва к государственной измене и подрыве авторитета властей, что является прямым нарушением федеральных законов 2 и 7.

Подписано председателем Верховного суда 16-го федерального округа Г. Р. Седжвиком.

«ОТЛИЧНЫЕ НОВОСТИ!»

По крайней мере, так казалось поначалу.

Меня выбрали спикером. Я должна была выступить с прощальной речью перед учениками старших классов средней школы Пеннсборо. Кроме того, я единственная из пяти номинантов от школы стала обладательницей государственной стипендии патриот-демократов.

Мама бросилась ко мне с объятиями и поздравлениями.

Отец отреагировал не столь бурно.

— Наша девочка! Мы так тобой гордимся!

Директор школы лично позвонил родителям. Телефон у нас оживал редко, информация передавалась в основном через электронные гаджеты, и спрятаться от нее было невозможно.

Брат Родерик встретил меня с каким-то странным выражением лица. Разумеется, он слышал о стипендии патриот-демократов, но не знал ни единого ее лауреата. В период его

Опасности путешествий во времени

учебы в средней школе Пеннсборо никто не удостоился звания стипендиата.

— Ну что ж... Поздравляю, Адди!

— Спасибо!

Родди окончил школу три года назад и теперь трудился за гроши в местном филиале Бюро информационной пропаганды США (БИП). Новость о моих успехах он воспринял без особого энтузиазма. Помню, как подумала: *ревнует! Ему-то не попасть в настоящий университет.*

Не знаю, сочувствовала ли я своему нескладно высокому брату, отрастившему жидкую песочную бородачку и усы (Родди всегда носил унылые коричневые костюмы — униформу низкооплачиваемых сотрудников БИП), — или боялась его. За улыбкой брата таилась насмешка, предназначенная *только мне.*

В детстве Родди нещадно издевался надо мной — воспитывал, по его собственной формулировке. Наши родители работали по десять часов, поэтому мы регулярно оставались дома вдвоем. Родди, как старшему, полагалось заботиться о сестре. Какая ирония! Очень злая ирония, не вызывающая лично у меня улыбки.

С тех пор минули годы, я выросла (а для девочки моего возраста рост у меня солидный — пять футов восемь дюймов), и Родди перестал издеваться открыто, ограничиваясь ко-

ронной пренебрежительно-неодобрительной ухмылкой. Строишь и понимаешь — ему хочется многое сказать на мой счет, но воспитание не позволяет.

Эта скупая, предназначенная мне одной ухмылка — как ножом по сердцу.

Родители объясняли: Родди, не набравшему нужного балла даже для местного колледжа, обидно видеть, как многого я добилась, учась в той же самой школе, и что те же самые учителя ставят мне высокие отметки. Более того, если бы брат пошел на подготовительные курсы и наша семья наскребла достаточно денег, ему все равно не светило поступить даже в самый заштатный государственный колледж с четырехлетней программой обучения.

За два года до окончания школы Родди резко переменялся. Стал чего-то бояться — может, не без причины. Не знаю, мы с ним никогда не разговаривали по душам.

В средней школе Пеннсборо — впрочем, как и везде — опасаются демонстрировать ум, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. Иначе сразу запишут в «чересчур умные», а при истинной демократии все люди равны, никто не должен выделяться. Не возбраняется получать четверки и периодические пять с минусом, зато чистые пятерки сулят неприятности, а уж пятерки с плюсом — неприятности крупные. В попытке не сдать экзамен на отлично

Опасности путешествий во времени

Родди, весьма неглупый, способный ученик средней школы, сильно перемудрил и в итоге заработал неуд.

Папа провел аналогию: допустим, ты мастер в стрельбе из лука и должен промазать, не попасть в яблочко, но волею коварной судьбы ты мажешь не только мимо десятки, но и вообще мимо мишени, — и он со смехом покачал головой: нечто подобное случилось и с Родди.

Бедный Родди. И бедная Адриана, поскольку брат вымещал обиду на мне.

В школе такие случаи не обсуждались открыто, однако все мы знали об истинном положении вещей. Самые способные ученики специально занижали результаты, дабы не засветиться. Поговаривали, что Отдел контроля внутренней безопасности населения (ОКВБН) ведет списки потенциальных оппозиционеров/СкИндов/Инд-Пов, куда вносят отличников и студентов с высоким уровнем интеллекта. Особое подозрение вызывали те, кто преуспевал в естественных науках, — их считали чересчур «пытливыми», «недовольными» общим направлением учебной программы. Из расписания полностью убрали лабораторные эксперименты, оставив нас довольствоваться сухими «научными фактами» («сила тяжести тянет предметы вниз», «вода закипает при 212 градусах по Фаренгейту», «негативные

мысли вызывают рак», «средний уровень IQ у женщин на 7,55 пункта ниже, чем у мужчин, с поправкой на ЦК»).

Скатываться на тройки и двойки тоже было чревато — тебя могли приравнять к тупицам или заподозрить в целенаправленном саботаже учебы. Откровенно занижать результаты считалось весьма и весьма опасным. Выпускники с плохим табелем отправлялись напрямиком в местный колледж — «подтянуться», пройти подготовительные курсы и перевестись в государственный вуз. Однако на практике стоило попасть в категорию работников низшего звена — как Родди в БИП — все, назад пути нет.

Ничто не забывается, нельзя прыгнуть выше головы. Кстати, эту горькую истину запрещалось произносить вслух.

Папа навсегда застрял в должности С2 — санитаря второго разряда — в окружной больнице, где штатные врачи регулярно консультировались с ним по различным вопросам, преимущественно из области детской онкологии, — и получали в пять раз больше него.

Медицинская страховка родителей практически не покрывала никаких услуг, отец даже не имел права обслуживаться по месту работы. Мы и думать не хотели, что произойдет, если кому-нибудь из них понадобится серьезное лечение.

Оутс Дж. К.

О 90 Опасности путешествий во времени : роман / Джойс Кэрол Оутс ; пер. с англ. А. Петрушиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-14842-0

В новом романе современного классика Джойс Кэрол Оутс (неоднократного финалиста Пулицеровской премии, лауреата премии имени О. Генри, Национальной книжной премии США и множества других престижных наград) путешествия во времени, со всеми их трудностями и опасностями, — явление вполне будничное.

Америка недалекого будущего в изображении Оутс сродни Гилеаду из «Рассказа служанки» Маргарет Этвуд. Границы на замке; тотальная слежка; любые попытки инакомыслия караются жестоко и немедленно. Кому, как не юной Адриане Штроль, дочери государственного преступника, это знать? Однако молодость и самоуверенность приводят к трагической ошибке. Слишком смелая речь на выпускном балу карается ссылкой на восемьдесят лет в прошлое, где нет мобильных, компьютеров, семьи, друзей. Где к страху и одиночеству и к робкой первой любви примешивается растущее подозрение: что, если доктор Айра Вулфман — такой же ссыльный из будущего?..

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЙС КЭРОЛ ОУТС
ОПАСНОСТИ
ПУТЕШЕСТВИЙ ВО ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Валентин Вайс
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Юлия Теплова, Валентина Гончар

Подписано в печать 09.01.2020. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-SMN-23147-01-R